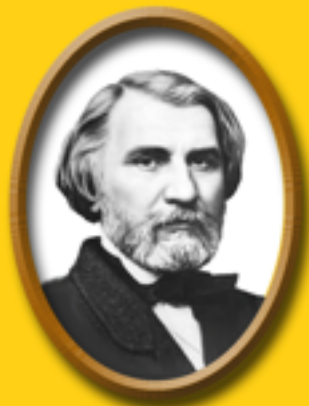

Пишем сочинения по

роману

И.С. Тургенева

"Рудин"

Пишем сочинения
по роману И.С. Тургенева
«Рудин»

Содержание

Вступление	4
Сюжет романа	5
Жанр романа	6
Композиция романа	6
Особенности тургеневского романа	7
Изображение природы в романе	10
Социальная среда	13
Рудин	15
Рудин как человек 40-х годов	31
Отношения Рудина и Натальи	39
Смерть Рудина	41
Лежнев	42
Наталья	45
Басистов	49
Ласунская	49
Пигасов	50
Заключение	50

Вступление

В январской и февральской книжках «Современника» за 1856 год был напечатан первый роман И.С.Тургенева «Рудин». Это было очень значительное событие в общественно-литературной жизни середины 50-х годов XIX века.

Дворянский период освободительного движения продолжался до 60-х годов XIX века. Социальный состав передовой интеллигенции в 30-40-е годы оставался преимущественно дворянским. Это обстоятельство, а также неудача первого революционного выступления и тридцатилетие николаевской реакции были причиной того, что передовой человек времени оказался не только в противоречии с окружающей действительностью, но и в противоречии с самим собой. В русской общественности складывался тип «лишнего человека». Люди этого типа не принимали существовавшего социального строя, горячо протестовали против угнетения личности, страстно пропагандировали идею свободы, искренне желали для себя большой деятельности во имя народа и, в то же время оставались мечтателями, плохо знали и понимали действительные нужды народа, туманно представляли подлинные пути преобразовательской деятельности, общую мечту о свободе не перерабатывали в последовательно практическую программу. Обеспеченное существование не закаляло их характера, они терялись в борьбе с трудностями, отстранялись от практической жизни.

Главный герой первого романа Тургенева Дмитрий Рудин занимает очень значительное и своеобразное место в галереи типов «лишних людей».

Роман писался в переломную эпоху в истории России. Крепостнические отношения стали уже таким тормозом экономической жизни и настолько усилили народное недовольство, что правительство оказалось больше не в состоянии сохранять неизменным старый строй. Александр II, вступивший на престол в конце 1855 года, объявляет о подготовке крестьянской реформы. В процессе острой идеологической борьбы формируется революционно-демократический лагерь, начинается второй этап освободительного движения. В условиях переходного времени с новой силой встает вопрос о передовом деятеле эпохи. Вступающее в борьбу молодое поколение разночинной интеллигенции должно было, прежде всего, выяснить, какое идейное наследие оно получает от лучших людей предшествующих десятилетий, на какие традиции оно может опереться. В этой связи вновь привлекает

внимание тип «лишнего человека». Но время диктует несколько иной, чем в 30–40–е годы поворот этой темы. Необходимо подвести итоги, четко сказать о положительных началах передовой дворянской интеллигенции, противостоявшей николаевской реакции, и в то же время со всей трезвостью и суровостью оценить ее слабости, произнести беспощадный приговор над тем, что новым поколением должно быть критически преодолено и отброшено. Тургенев сумел ответить своим романом «Рудин» на эту общественную потребность.

Тема «лишнего человека» привлекла Тургенева с первых лет творческой деятельности. С ней связан ряд произведений 40 – начала 50–х годов (поэмы, рассказы, повести, пьесы). В этот период Тургенева, в первую очередь, интересует психологический образ «лишнего человека». Писатель сосредоточивает внимание на его душевной неуравновешенности, рефлексии, нерешительности, как определяющей черте его характера. Показывает, как герой, широко образованный человек, страдает и от сознания практической ненужности тех сведений, которыми наполнена его голова, и от чувства отчужденности от общества, в котором он живет. Участь его печальна. Он не может устроить свое личное счастье, потому, что рефлексия, сомнения в себе, боязнь решительных поступков парализуют его действия, не дают возможности прямо и просто идти к цели.

Написан «Рудин» был быстро. Первый вариант был закончен в 7 недель. В общей сложности на создание произведения ушло полгода. Столь скорое его завершение, при сознании всей серьезности задачи, возможно, было лишь при условии больших предварительных размышлений, при использовании опыта работы над более ранними повестями

Е. Ефимова

Роман «Рудин», написанный в 1855 году, состоит из 12 глав и эпилога. Содержание его взято из помещичьей жизни сороковых годов XIX столетия. Эта жизнь уже во многом отличается от помещичьей жизни, описанной Пушкиным в романе «Евгений Онегин». Видно, что молодое поколение далеко шагнуло вперед и вполне осознало ненормальность прежней затхлой, замкнутой жизни.

И. Глебов

Рудин

Итак, что же такое Дмитрий Николаевич Рудин? Это герой, но только герой слова, а не дела. Когда он говорил, все с наслаждением внимали музыке его красноречия, тайною которой он владел в совершенстве, но зато лишь только ему приходилось действовать, этот могучий герой, увлекавший за собой всякого человека, не утратившего духовной чуткости, становился слаб, как младенец. Так и прошла жизнь его, бесцельно и бесполезно, так бесцельно и бесполезно погиб он на баррикадах в Париже, являясь борцом за свободу совершенно чуждого ему народа!

Что же это за тип? Это тип чисто русский, создавшийся в ту эпоху, когда русский человек успел усвоить себе внешнюю сторону западной культуры, но еще не успел впитать ее в свою плоть и кровь, проникнуться ею и быть полезным и активным деятелем на поприще служения обществу. Каково же значение этого типа, полезен он или бесполезен, а может быть, даже и вреден? На этот вопрос ответить не трудно. Рудин — это высокий и честный порыв человека к идеалу, к небу; порыв, не увенчавшийся успехом, не достигший своей цели, но тем не менее высокий и благородный. Разве могут быть вредны эти порывы?

Печальна судьба этих идеалистов, они редко умеют устроить свою жизнь, но роль их в общественной жизни высока и благородна.

Многое в их поступках может не нравиться нам: например, нас крайне неприятно поражает это беззастенчивое пребывание Рудина на хлебах у Ласунской, но не будем за то бросать в него камнем! Эти люди настолько мало практичны, что, может быть, к ним более, чем к кому либо другому, применимы слова Евангелия: «не ведают бо, что творят».

М. Быстров

Многое из того, что и как было сказано Тургеневым о «лишнем человеке» в произведениях 40–первой половины 50–х годов, относится к Рудину. Однако в то же время образ Рудина несет в себе и существенно новое. Тургенев не ограничивается только показом героя с психологической стороны. Широко дается его идейная жизнь, его общественные устремления, рассказывается о попытках практической деятельности. Противоречия с окружающей средой выступают не только в узколичном плане, но и как противоречия между косным реакционным миром и человеком, стремящимся к прогрессу.

В краткой экспозиции (первые две главы) Тургенев не только обрисовывает в основных чертах ту социальную среду, во взаимоотношениях с которой будет раскрываться образ главного героя, но и подготавливает эмоционально его появление, своеобразно используя при этом прием контраста.

В салоне аристократки Ласунской ожидают новое, интересное лицо: барона и камер-юнкера Муффеля, автора научной статьи. Когда вместо него приезжает Рудин, общество разочаровано. Имя его никому неизвестно, одет он очень «посредственно», производит впечатление человека незначительного. Вначале разговор идет натянуто. Хозяйка салона принимает нового гостя холодно-любезно. Тем сильнее эффект, когда Рудин неожиданно, самым блестящим образом, побивает в споре признанного умника Пигасова.

Вскоре Рудин завладевает вниманием всего общества. «Через четверть часа один его голос раздавался в комнате. Все столпились в кружок около него». Каждый из присутствующих по-своему проявил интерес к Рудину, никто не смог остаться к нему равнодушен, а натуры, наиболее впечатлительные и жаждущие нового, сразу оказались под его влиянием.

Барон Муфель в романе не появляется. Однако этот образ нужен для того, чтобы через сопоставление с ним, дав сначала мнимое унижение героя, затем сильнее подчеркнуть в нем необыкновенную и яркую личность. В этой первой сцене Рудин дается в момент душевного подъема, в апофеозе своего ораторского искусства, в поэтическом ореоле. Мы видим человека одухотворенного, глубоко чувствующего прекрасное, энтузиаста высоких идей. Это впечатление создается не только через реакцию окружающих, но и соответствующими деталями портрета Рудина (лицо неправильное, но выразительное и умное, быстрые темно-синие глаза, «прекрасное выражение» лица во время слушания музыки Шуберта), пейзажем чудной летней ночи, которая

воодушевляет Рудина и на фоне которой воспринимается его вдохновенная речь и другими художественными средствами.

Особенно важна для конкретно-исторической обрисовки образа Рудина его речевая характеристика, которая тщательно выписывается автором. Именно через речевую характеристику сразу создается представление о передовом человеке 30–40-х годов, в молодости активном участнике студенческих кружков, всецело погруженном в мир философских идей и ищущем в нем общих основ для существования и деятельности, человеку, жизнь которого отдается пропаганде этих идей и теоретическим спорам.

Тургенев не делает Рудина приверженцем какой-то определенной философской системы и тем достигает большей типизации при изображении русского идеалиста и романтика-мечтателя, преломляющего по-своему идеи немецкой классической философии. Рудин говорит о том, что в частных явлениях необходимо стремиться найти общие начала и что это «есть одно из коренных свойств человеческого ума», что «человеку надо надломить упорный эгоизм своей личности» и принести ее «в жертву общему благу», о том, «что придает вечное значение временной жизни человека», что «наша жизнь быстра и ничтожна; но все великое совершается через людей» и «сознание быть орудием тех высших сил должно заменить человеку все другие радости».

Эти и аналогичные высказывания Рудина сразу дают представление, чем значительны были люди его типа для своего времени, почему их речи возбуждали живое внимание. Жадное искание истины, утверждение важности теоретического мышления, необходимости силой мысли проникнуть в коренные основы бытия, найти ответ на вопрос о назначении человека и призыв жить не для удовлетворения корыстных целей, а для осуществления высших предначертаний и общего блага, страстный оптимизм, противопоставляемый бесплодному скептицизму, – все это приподнимало слушателей над их мелочными, каждодневными интересами и заставляло наиболее отзывчивых, в свою очередь, вступать на путь идейных исканий.

Для того, чтобы глубже раскрыть образ человека, для которого главное оружие – слово, причем такое оружие, каким он владеет в совершенстве, Тургенев не столько передает содержание речей Рудина, сколько показывает, как он говорит.

Рудин – мастер спора. Он сдержан; слушая противника, он быстро подмечает его логические ошибки и остроумно разит его силой своей логики. Когда противник начинает терять свои позиции, он добивает

его язвительной насмешкой и начинает страстно и серьезно развивать свои принципы.

Таков Рудин в споре с Пигасовым. Он особенно выигрывает в сравнении с этим претендентом на первое место в обществе. Злящийся и в конце концов грубящий Пигасов оттеняет мастерство, даже изящество в споре Рудина.

Рудин — вдохновенный оратор. Он владеет «музыкой красноречия». Тургенев, используя прием авторской характеристики, очень точно и эмоционально окрашенно передает, в чем особенность и значительность этого качества. «Обилие мыслей мешало Рудину выразиться определительно и точно. Образы сменялись образами: сравнения, то неожиданно смелые, то поразительно верные, возникали за сравнениями. Не самодовольной изысканностью опытного говоруна — вдохновением дышала его нетерпеливая импровизация... Все мысли Рудина казались обращенными в будущее; это придавало им что-то стремительное и молодое... Самый звук его голоса, сосредоточенный и тихий, увеличивал обаяние; казалось, его устами говорило что-то высшее, для него самого неожиданное».

Читатель не слышит всей ораторской речи Рудина; какая она была — об этом рассказывает автор. Но отдельные фрагменты этой речи включаются в авторский пересказ ее содержания, и в целом создается яркое впечатление и о ее возвышенности, и поэтичности, и эмоциональной настроенности. Лексика Рудина почти совсем лишена обыденных, бытовых, «просторечных» слов, она насыщена терминологией высокого, «философского» плана («желание быть и жить в истине», «деятельное стремление к совершенству, «жажда самоуничужения» и т. д.). Округлые синтаксические конструкции, следуя одна за другой, отдаляют высказывание Рудина от обычного строя живого разговорного языка и придают ему поэтическую ритмичность. Почти каждая фраза несет в себе возвышенный образ, богато включает эпитеты, сравнения, метафоры;

«...Овладеть своим самолюбием, как всадник конем», «себялюбивый человек засыхает, словно одинокое, бесплодное дерево», «надо надломить упорный эгоизм своей личности» и т. д.

Однако, показывая духовное превосходство героя над средой, его окружающей, Тургенев дает понять, что у героя есть существенные слабости. В портрете Рудина отмечается жидкий блеск глаз. Когда Рудина попросили поделиться впечатлениями о своей поездке за границу, он не смог это сделать интересно, так как не умел рассказывать. «В описаниях его недоставало красок», — замечает Тургенев. Это

указывает на отсутствие наблюдательности над окружающей жизнью. Знаменательно, что Рудин скоро перешел к общим рассуждениям о значении просвещения и науки.

Тургенев указывает на некоторые характерные противоречия Рудина, как типического героя своего времени: речи Рудина хотя и звали людей посвятить себя большой цели, но оставались абстрактными, что отражало историческую слабость русской общественной мысли на том ее этапе, когда ответы на животрепещущие вопросы современности искались в идеалистической философии; проповедь жизни во имя человечества, призыв надломить эгоизм своей личности у него сочетается с представлением о себе как об избранной натуре, что было связано с замкнутостью того круга дворянской интеллигенции, где вырабатывались передовые идеи.

В дальнейшем Тургеневым заостряется внимание на противоречиях героя, на том, чем именно он слаб. Рудин остается в доме Ласунской на каком-то неопределенном положении. Он состоит при особе Дарьи Михайловны Ласунской и развлекает ее своими рассуждениями; становится ее доверенным лицом и входит во все мелочи ее дел; предлагает свои планы, которыми она на словах восхищается, но, в действительности, однако, пренебрегает; занимает у нее и соседних помещиков деньги; снисходительно принимает то поклонение, которым его начинают окружать, и в то же время сторонится людей, в которых чувствует к себе критическое отношение.

Однако главный порок Рудина в том, что он не умеет от слов перейти к делу, что горячие слова о деле не являются для него непосредственным побуждением к действию, а заменяют само дело, что он пасует перед трудностями жизни.

Чтобы уяснить полностью место Рудина в общественной жизни, Тургенев дает его образ в развитии. С этой целью Тургенев вводит рассказ об основных фактах из жизни Рудина до появления его у Ласунских и продолжает его историю после его отъезда.

Родившись в небогатой семье, Рудин, однако, никогда не задумывался над тем, чтобы добыть средства к существованию собственным трудом. Сначала легко принимал последние гроши от матери, затем спокойно жил на счет своих более богатых приятелей или бесконечно занимал деньги. Это обстоятельство во многом способствовало развитию практической неумелости и лени. Однако весь свой досуг Рудин отдавал чтению, философским размышлениям, ораторству и теоретическим спорам.

Еще в университете он выделяется среди других участников студенческих кружков своими пламенными речами и незаурядной силой философского мышления. Его энтузиазм увлекает. Он приобретает авторитет, его слушают, за ним идут, У Рудина, рождается желание перейти от слов к практическому действию, он пытается устраивать судьбы людей, но эти попытки выступают как «кипенье в действии пустом». Он вмешивался в личные дела окружающих, стремился объяснить им их чувства и поступки, часто хлопотал по мелочам и, в конце концов, не добивался ничего, кроме неприязни к себе, так как действовал без понимания людей в их конкретной жизни.

Поклонение молодежи и отсутствие выхода в широкую сферу общественной деятельности развивали у Рудина мелочные стороны характера: непомерное самолюбие, тщеславие, высокомерие.

Таким образом, в Рудине, в пору его юности, уже складываются те противоречия, которые ярко выступают в Рудине зрелом и раскрываются в полной мере во время пребывания героя в доме Ласунской. Однако все-таки характер предстает в развитии, так как не все в нем идентично в две поры жизни героя.

Когда Рудин появляется у Ласунских, он человек, уже значительно потрепанный невзгодами жизни. Необеспеченность, отсутствие собственного уютного угла, неощутимость результатов горячей пропаганды и хлопотливых попыток деятельности накладывают отпечаток на весь его облик. Он не изменил своим верованиям, он еще способен загораться и искренне и прекрасно говорить о высших началах жизни, но порывы энтузиазма сменяются упадком душевных сил, и иной раз веет усталостью от всего его облика. Это подчеркнуто деталями портрета. Если о молодом Рудине сказано: «Красивый и статный мальи», то о Рудине в гостиной Ласунской говорится, что он человек «высокого роста», но «несколько сутуловатый», блеск глаз определяется эпитетом «жидкий», и «платье на нем было не ново и узко, словно он из него вырос».

Это также подчеркивается чередованием сцен в течение первых дней пребывания Рудина у Ласунских. Картина, в которой Рудин напоминает того «молодого Демосфена перед шумящим морем», образ которого встает в рассказе Лежнева, сменяется описанием Рудина разочарованного, жалующегося на отсутствие поддержки, мечтающего об отдыхе. Но на этом этапе своей жизни Рудин еще не настолько глубок в своем разочаровании, чтобы забыть о фразе. Ему еще нужно представить свои переживания в красивой одежде, чтобы возбудить сочувствие молодого сердца, духовно овладеть им. «Видите вы эту яблоню; она

сломилась от тяжести и множества своих собственных плодов. Верная эмблема гения», — говорит он Наталье.

Месяцы, проведенные под кровлей аристократки Ласунской, сказались для Рудина еще одним большим жизненным уроком. История его отношений к Наталье заставила Рудина глубже заглянуть в самого себя, сурово осудить свои слабости, задуматься над дальнейшими путями своей жизни.

«Я остаюсь одинок на земле для того, чтобы предаться, как вы сказали мне сегодня поутру с жестокой усмешкой, другим, более свойственным мне занятиям. Увы! если бы мог действительно предаться этим занятиям, победить, наконец, свою лень... Но нет, я останусь тем же «неоконченным существом», каким был до сих пор... Первое препятствие — и я весь рассыпался... Я не стою того, чтобы вы для меня оторглись от вашей сферы... А впрочем, все это, может быть, к лучшему. Из этого испытания я, может быть, выйду чище и сильнее», — пишет Рудин в прощальном письме к Наталье.

Тургенев рассказывает о тех переживаниях, которые охватили Рудина после разрыва с Натальей: «Вернувшись домой, Рудин заперся в своей комнате и написал два письма: одно — к Волынцеву... и другое — к Наталье. Он очень долго сидел над этим, вторым письмом, многое в нем перемарывал и переделывал и, тщательно списав его на тонком листе почтовой бумаги, сложил его как можно мельче и положил в карман. С грустью на лице прошелся он несколько раз взад и вперед по комнате, сел на кресло перед окном, подперся рукою; слеза тихо выступила на его ресницы... Он встал, застегнулся на все пуговицы, позвал человека и велел спросить у Дарьи Михайловны, может ли он ее видеть».

О том, что чувствовал и о чем думал Рудин, когда писал письмо Наталье, Тургенев не говорит ни слова. Но из того, как он писал его, читатель видит, насколько это письмо было важно для Рудина, как он стремился к тому, чтобы полнее и точнее в нем высказаться. Рудину, действительно, очень тяжело и горько. Исчезла поза. Просто и искренне обнаруживается чувство в выражении лица и жесте: «С грустью на лице прошелся он несколько раз взад и вперед по комнате, сел на кресло перед окном, подперся рукою». Он настолько погрузился в горестные чувства, что не замечает на ресницах тихо выступившей слезы. Но вот Рудин как бы очнулся. Он принял решение — на этот раз скорое и правильное. Для его выполнения он должен привести себя внутренне в порядок: надо подготовиться к неприятному, но необходимому разговору с Ласунской. Все это дается через резкое изменение поведения Рудина:

«Слеза тихо выступила на его ресницы... Он встал, застегнулся на все пуговицы, позвал человека». Характерная в данном контексте деталь — «застегнулся на все пуговицы» — указывает на то, что Рудин берет себя в руки и глубоко внутрь прячет свои страдания. «Наконец пробило шесть часов, и подали тарантас Рудина. Он стал торопливо прощаться со всеми. На душе у него было очень скверно. Не ожидал он, что так выедет из этого дома: его как будто выгоняли. «Как это все случилось! и к чему было спешить? А впрочем, один конец», — вот что думал он, раскланиваясь на все стороны с принужденной улыбкой». Торопливое прощание и принужденная улыбка героя обнаруживают в его поведении и портрете, что на душе его «было очень скверно», и одновременно указывают на его стремление скорее выйти из того тягостного положения, в какое он попал в доме Ласунских, и при этом сохранить свое достоинство.

С начала до конца романа Рудин показывается в его внутренней жизни, в психологических поворотах.

С окончанием истории любви героя еще не завершается полностью история его жизни.

Описывая встречу Рудина с Лежневым, Тургенев рассказывает о попытках Рудина активно включиться в социальную практику и показывает его в новой фазе духовного развития. Одновременно эпилогом подводится итог всей жизни героя, окончательно выясняется его общественное значение.

Рудин попробовал начать преобразовательскую деятельность в области экономической (план преобразований в имении помещика и превращения реки несудоходной в судоходную), административной (на поприще секретаря «благонамеренного лица») и просветительской (в качестве учителя гимназии), но все его начинания кончались полной неудачей, так как везде Рудин наткнулся на косность и враждебность реакционной среды, а сами проекты преобразований носили несколько маниловский характер. Составлялись они без учета реальных обстоятельств, призрачны были пути их осуществления, не хватало фактических знаний.

На все эти опыты ушли последние средства и силы Рудина, и в его внешнем и внутреннем облике появляются новые черты. «Перед ним (Лежневым) стоял человек высокого роста, почти совсем седой и сгорбленный, в старом плисовом сюртуке с бронзовыми пуговицами». «Иначе глядели глаза; во всем существе его, в движениях, то замедленных, то бессвязно порывистых, в похолодевшей, как бы

разбитой речи высказывалась усталость окончательная, тайная и тихая скорбь, далеко различная от той полуприторной грусти, которою он щеголял, бывало, как вообще щеголяет ею молодежь, исполненная надежд и доверчивого самолюбия».

Автор вкладывает в уста самого героя рассказ о его злоключениях, и длинный монолог Рудина действительно производит впечатление «похолодевшей, как бы разбитой речи». Исчез былой блеск, округлость фраз, яркая романтическая окраска, пафос. Все повествование выдержано в грустно-задумчивом тоне, оно часто обрывается на полуслове. «Устал я говорить, брат», — замечает Рудин.

Чувствуя в себе «присутствие сил, не всем людям данных», Рудин мучается вопросом: «Отчего же эти силы остаются бесплодными?» В поисках ответа на него, критически оглядывая всю свою жизнь, Рудин с горечью бичует себя за все ошибки и слабости прошлого. «Выдержки во мне не было?.. Строить я никогда ничего не умел»... «Я был тогда самонадеян и ложен. — Точно, я тогда ясно не сознавал, чего я хотел, я упивался словами и верил в призраки»... «Фраза, точно, меня сгубила, она заела меня, я до конца не мог от нее отделаться»... «Слова, все слова! дел не было!» Стремление «отделаться» от «фразы», т. е. от внешности, помпезности, декоративности и приблизиться к жизни действительной также сказывается в речи Рудина. В ней уже нет высокопарности, появляются просторечия, идиомы («так я вот и бился года два», «сопрет... долой», «потолкавшись еще по разным местам», «последний грош свой добил»); изменяется характер образности; она теперь берет начало в образности народной речи или наблюдениях над реальной, бытовой жизнью («вылетал соколом — и возвращался ползком», «переходил... к тупой бесчувственности лошади, которая уже и хвостом не дрыгает, когда ее сечет кнут», «шла она к нему, как корове седло», «давил меня, словно перина»).

Непосильная борьба с окружающей действительностью измучила Рудина. В нем исчез его прежний энтузиазм, ему хочется «достигнуть цели близкой, принести ничтожную пользу», для этого он готов смириться, «примениться к обстоятельствам», но из этого ничего не выходит. «Что мешает мне жить и действовать, как другие?.. Но едва успею я войти в определенное положение, остановиться на известной точке, судьба так и сопрет меня с нее долой», — с горечью говорит Рудин. Рассказывая так о постаревшем Рудине, Тургенев раскрывает образ в его глубокой психологической и общественной правдивости. Психологическая правда в том, что одинокий человек не может до

бесконечности не обращать внимания на удары судьбы, что ему хочется соединиться с людьми, увидеть, хотя маленькие, но реальные плоды своей деятельности. Этим объясняются субъективные переживания Рудина. Но все дело в том, что Рудин в самой своей сути не такой человек, как другие, так как в нем «сидит какой-то червь, который грызет и... гложет» и не дает ему «успокоиться до конца».

Люди, подобные Рудину, неизбежно становились во враждебные отношения со средой, так как вся их деятельность в ее конечной цели была направлена на уничтожение того порядка, который поддерживался и оберегался этой средой. В этом большая общественная правда образа. Рассказав о том, что лично для себя Рудин ничего не приобрел в жизни, и подчеркнув объективную непримиримость людей его типа со всем общественным строем николаевской России, Тургенев тем самым указал на то, что в этих людях, несмотря на все их слабые стороны, воплощалось живое, прогрессивное начало эпохи.

Образ Рудина теперь рисуется лирически сочувственно. В целях усиления эмоциональной окраски Тургенев вновь обращается к пейзажу. Рудин появляется перед читателем или в знойный день, когда он едет, сам не зная куда, сидя, понунив голову, в кибитке, которую едва тащат заморенные и разморенные жарой лошади; или в осенний холодный день, когда надо срочно выехать из города, несмотря на непогоду, потому что его высылают. Глубокой грустью дышит концовка, которой, как лирическим аккордом, заключается последняя беседа Рудина с Лежневым: «А на дворе поднялся ветер и завыл зловещим завываньем, тяжело и злобно ударяясь в звенящие стекла. Наступила долгая, осенняя ночь. Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть теплый уголок... И да поможет господь всем бесприютным скитальцам!»

Е. Ефимова

Весь интерес романа сосредотачивается на личности Рудина, который является представителем поколения сороковых годов. Основная задача романа – показать недостатки тогдашней дворянской молодежи, которая умела красиво говорить, стремилась к возвышенным идеалам, но на практике не могла осуществить ни одной идеи и вследствие этого была глубоко несчастна.

Характер Рудина очерчен автором недостаточно определенно: в первой половине романа автор рисует Рудина с отрицательной стороны, а во второй – изображает его человеком глубоко искренним,

симпатичным неудачником. Таким образом, в художественном отношении образ Рудина не вполне удался Тургеневу. Отсюда произошло то, что критики приходят к разноречивым выводам относительно Рудина. Одни считают его обеспеченным тунеядцем, жалким продуктом русского барства, другие видят в нем восторженного идеалиста. Чтобы правильно понять характер Рудина, надо сначала указать те условия, среди которых мог сложиться такой характер.

Рудин был единственным сыном у матери и с самого нежного детства был предметом ее обожания. В детстве от Рудина устранялись всякие заботы; он не понимал, что такое нужда, и не был приучен к труду. Как все любимцы, Рудин с детства приучился считать себя каким-то высшим существом, которому все должны оказывать услуги, и через это бессознательно стал себялюбцем. Воспитание он получил за счет дяди. Неусыпная заботливость матери и дяди приучила Рудина во всем рассчитывать на чужую помощь и не заботиться о материальных средствах. Образование свое Рудин получил в Московском университете. В это время среди университетской молодежи особенным влиянием пользовалась идеалистическая философия Шеллинга и Гегеля; философию эту преимущественно изучали в тесных товарищеских кружках. Рудин, обладая способностью к отвлеченному мышлению, проявил особенные успехи в изучении философии; блестящий дар красноречия помог ему занять первое место среди товарищей. Это еще более развило его самомнение и приучило считать себя будущим гением. В этих товарищеских кружках Рудин усвоил пламенную веру в добро и истину и интерес к философским вопросам.

Но мысли Рудина были не вполне ясны. Он говорил о необходимости веры, о бесплодности скептицизма, о будущем человечества и т.п. Все эти туманные рассуждения выливались у Рудина в блестящей словесной форме. «Он не искал слов; они сами послушно и свободно приходили к нему на уста, и каждое слово, казалось, так и лилось прямо из души, пылало всем жаром убеждения. Рудин владел едва ли не высшей тайной – музыкой красноречия. Он умел, ударяя по одним струнам сердца, заставлять смутно звенеть и дрожать другие».

Казалось бы Рудин, изучивший философию и обладавший даром красноречия, должен был приносить своим ближним большую пользу. К сожалению, мы видим совершенно иное. Его слова не переходят в дело. Дожив до 35 лет, Рудин не нашел себе подходящего общественного дела и тратил свое красноречие совершенно напрасно в гостиних аристократических тщеславных дам. Правда, он стремился употребить

свои силы на общее полезное дело. Так, он подчинил своему влиянию одного богатого, но ограниченного помещика и думал много сделать добра, пользуясь его материальными средствами, но через два года Рудин увидел, что его ожидания не сбылись, и он бросил теплый угол. После этого Рудин решил превратить одну маленькую реку в судоходную для блага окрестных жителей; после шестимесячной жизни в землянке Рудин прожил свои последние деньги на это предприятие и ничего не достиг. Затем он сделался учителем гимназии и завоевал симпатии юношей, но после одного столкновения с начальством у него не хватило решимости «тянуть тяжелую лямку учителя», и он оставил учительскую должность.

Неудачи Рудина зависели оттого, что он не знал окружающей действительности. Он жил преимущественно головою, увлекался общими отвлеченными вопросами, а на изучение действительности не обращал внимания.

Кроме того, у него не доставало терпения и настойчивого труда. Барское воспитание не приучило его к житейской кропотливой работе; ему хотелось сразу осуществить такое предприятие, которое облагодетельствовало бы многих. «Несчастье Рудина, – замечает Лежнев, – состоит в том, что он России не знает, и это, точно, большое несчастье. Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись».

Самолюбие и происходящая отсюда самоуверенность также мешали Рудину осуществить свои мечты. Он привык, чтобы все его слушали и удивлялись его талантам; он думал, что все его суждения по разнообразным предметам неоспоримы. Отсюда произошла страсть во все вмешиваться, все определять и разьяснять. Он, например, дает Ласунской советы, как управлять имением. Узнав о любви Лежнева к одной девушке, он, «вследствие своей проклятой привычки каждое движение жизни своей и чужой прищипывать словом, как бабочку булавкой», стал разьяснять им их отношения, вступил даже в переписку с ними и сбил их совершенно с толку.

Рудин имеет доброе сердце, но чувства его не глубоки. Лежнев считает его даже холодным, как лед, то есть думает, что в нем чувство заменяется воображением. «Никто так легко не увлекается, как бесстрастные люди», замечает Лежнев, и это совершенно справедливо, потому что такие люди увлекаются собственным воображением. История любви Рудина к Наташе блестящим образом доказывает это положение. Чтобы потешить свое самолюбие, Рудин стал ухаживать за Наташей и прикидываться влюбленным. Наташа по неопытности не догадалась об этом; она искренне

полюбила его и готова была бежать с ним хоть на край света. Но Рудину в решительную минуту становится ясно, что он никогда ее не любил «настоящей любовью, любовью сердца, а не воображения». Наталья с горечью и совершенно справедливо укоряет его в трусости. Эти слова задевают в нем только самолюбие, ему не жаль бедной девушки, обманутой в своих надеждах, и у него достает духа обратиться к ней ее упрек: «Вы трусите, а не я!», – говорит он взволнованной Наташе.

В некоторые минуты своей жизни Рудин сознает свои недостатки, мучается от этого сознания и презирает себя. «Природа мне много дала, – пишет он в прощальном письме к Наташе, – но я умру, не сделав ничего, достойного сил моих... Но нет, я останусь тем же неоконченным существом... первое препятствие – и я весь рассыпался...» В этом случае Рудин походит на Гамлета Щигровского уезда и других «лишних» людей, изображенных Тургеневым. Как известно, в 40-е годы реакция отрезала все пути к самой скромной общественной деятельности. Людям, получившим образование и создававшим многочисленные язвы общественного устройства, ничего более не оставалось делать, как только обвинять самих себя в недостатке энергии. Отличительной чертой Гамлета Щигровского уезда служил, при огромном уме, не в меру развившийся самоанализ, который внушил ему мысль о полном собственном ничтожестве. Он до такой степени привык к самобичеванию, что в этом находил наслаждение и совершенно не был способен к какому бы то ни было делу. Точно также и Рудин нередко клеймил себя за расходование энергии на одни разговоры. «Фраза меня сгубила, – замечает он в последней беседе с Лежневым, – она заела меня, я до конца не мог от нее отделаться... Слова, все слова, дел не было».

Рудин, однако, был не бесполезным членом общества. Это не Онегин и не Печорин, которые нисколько не думали об общественной пользе. Рудин своими речами пробуждал умы и сердца людей, зажигал их любовью к добру, свету и правде. Лежнев, ненавидевший Рудина, в конце жизни примиряется с ним и ставит его деятельность выше своей. «В нем есть энтузиазм, – заметил Лежнев, – а это самое драгоценное качество в наше время. Мы все стали невыносимо рассудительны, равнодушны и вялы; мы заснули, мы застыли, и спасибо тому, кто хоть на миг нас расшевелит и согреет!.. Он не сделал сам ничего... Но кто вправе сказать, что он не принесет, не принес уже пользы, что его слова не заронили много семян в молодые души, которым природа не отказала, как ему, в силе деятельности, в умении исполнять собственные замыслы?»

И. Глебов

Проследим, как вырос, воспитался Рудин и как явился он таким, каким встречаем мы его в повести.

Он происходил из бедной помещицкой семьи; его мать в нем души не чаяла – она отдавала ему все, что могла, только бы обставить его возможными удобствами. Таким образом, Рудин рос балованным барчонок, привыкшим с детства быть предметом обожания. Что делал он в университете? Его деятельность, главным образом, состояла в участии в студенческих кружках, в которых весь интерес сосредоточивался на отвлеченных философских системах, главным образом, на философии Гегеля. Время проводили тут в горячих спорах о разных вопросах, далеко отстоящих от действительной жизни. Рудин, отличавшийся особенным даром слова, понятен был замечен; он стал и тут своего рода кумиром, по крайней мере, предметом всеобщего удивления. Само собой разумеется, что молодому человеку с сильно развитым самолюбием льстило общее внимание; он постепенно вошел в свою роль проповедника, любящегося своим собственным красноречием. В Германии он набрался новых сведений, но характер его остался тот же. Тут застаем мы его в имении великосветской дамы Дарьи Михайловны Ласунской.

Он тотчас чувствует себя здесь на своем месте – его слушают с удивлением, даже с восторгом. Он является человеком порыва, горячим энтузиастом, поэтом; он способен увлекаться и еще сильнее увлечь другого – яркие примеры этому мы видим в том, как влияют его речи на студента Басистова и на Наташу: первый «сидел все время с открытым ртом и широко раскрытыми глазами и слушал, слушал, как отроду не слушал ничего», а у второй «лицо покрывалось алой краской и взор ее, устремленный неподвижно на Рудина, и потемнел и заблестал».

Наташа становится его слушательницей, перед которой он развивает свои идеи; в ее сердце закрадывается любовь к нему. Эта простая, сердечная, но глубокая и сильная по натуре девушка «поверила» в него, как она сама впоследствии сознается, и решилась вся отдалась в его власть; но тут обнаружилось страшное несоответствие между словами и поступками Рудина: узнав от Наташи, что мать ее решилась видеть ее скорей мертвой, чем замужем за ним, он, на которого девушка понадеялась, как на сильного мужчину, не находит на ее вопрос – «что делать?» – лучшего ответа, как «покориться». Он начинает уверять ее, что ей было бы тяжело расстаться с родными, что он сам беден и т.д. На самом же деле, он ее никогда сильно не любил и не способен сделать какой-нибудь решительный шаг, когда ему приходится приняться за

настоящее «дело», а не ограничиваться одними словами. Вообще его слова расходятся с делом: он говорит, что «должен действовать, что он не должен скрывать своего таланта, раз он у него есть» и т.д., но между тем почти ничего не делает.

Только во второй части романа, где он, уже помятый жизнью, рассказывает о себе Лежневу, что он не только говорил, он несколько раз принимался за дело, но каждый раз безуспешно! Он был учителем в гимназии, но тут, собравшись провести радикальную реформу, один ничего не мог сделать; в другой раз он увлекся планом сделать судоходной одну из рек России и из-за этого прожил несколько месяцев в сырой землянке; пробовал он и служить при каком-то высокопоставленном лице и т.п., но везде его постигала неудача. Причиной неудачи служила его собственная неподготовленность к действительной жизни, неумение взяться за дело; с другой стороны, много, очевидно, мешала его предпрятиям окружающая среда, не только не проявлявшая участия к его начинаниям но, напротив, в иных случаях подавлявшая всякую попытку приняться за дело. На то, что не всегда он был только пустым фразером, указывает и его смерть на парижских баррикадах.

В Рудине мы видим еще одну странную черту, способную бросить тень на него, как на человека – это беспечное обращение его с чужими деньгами; об этом мы можем сказать только одно: несомненно, что делал он это без всякого корыстного расчета, по какой-то наивности, так же легко и свободно, как остался гостить на несколько месяцев в имении Ласунской, приехав туда на очень короткий срок.

Кто же Рудин? Это энтузиаст, но «энтузиаст головой», сердце, кровь его остаются холодными; он сам верит в то, что говорит, в нем действительно живут идеальные стремления; он способен увлечь других, дать толчок, и это нужно поставить ему в главную заслугу. Его беда заключается в несоответствии его слов с делом – несоответствии, являющемся, главным образом, следствием его отвлеченности, незнакомства с русской действительностью и, отчасти отсутствия воли.

Как тип общественный, Рудин вполне сын своего времени, человек переходной эпохи 40-х годов. Это, в сущности, тот же «лишний человек», которого мы уже видели, но ушедший уже вперед. Он имеет по своим основным чертам связь с героями старого поколения – Онегиным, Печориным, Чацким. Все они вышли из одной и той же среды; с первым из них его сближает барское воспитание, со вторым сильное развитое самолюбие, а с третьим образованность, проповедничество и энтузиазм. Рудин, однако, далеко перерос этих людей предыдущей эпохи.

В отношении автора к своему герою видна как бы некоторая непоследовательность. В первой части произведения он критикует Рудина, а во второй, как бы сжалившись над ним, рисует его уже более симпатичным и достойным сожаления.

Н. Дюнькин, А. Новиков

Деятельный и влиятельный участник литературно-философских московских кружков 30–40-х годов, идеалист, увлекательный и вдохновенный оратор, с мыслями, «обращенными в будущее», Рудин – одна из разновидностей «лишних людей», созданных русской жизнью и уже воплощенных в героях русской дворянской литературы – Онегине, Печорине и др.

В людях этого сложного типа большое духовное богатство рас-трачивалось бесплодно. Никто из них не нашел своего жизненного дела. Они мучительно искали, но ни в чем, ни в одной сфере деятельности, ни в любви, которая играла в их жизни часто первоочередную роль, они не осуществили своих надежд, своих запросов. Все кончилось скукой, разочарованием, сознанием своей бесполезности и неумения найти свое место в русской действительности.

Рудин – продолжение, но не повторение онегинско-печоринского типа лишних людей, из дворянской аристократической среды. Он – сын бедного помещика, учился в Московском университете, скитался за границей, «был весь погружен в германскую поэзию, в германский романтический и философский мир». Он проповедник и энтузиаст. Он умеет и себя и других увлекать словами о свободе, о самопожертвовании, о «блаженстве деятельности», звать и зажигать, особенно молодые сердца. Но он или не умеет действовать, или чаще всего не может действовать вследствие неблагоприятных для него общественных условий. За что бы он ни брался, все кончается неудачей. Ничем кончились, например, его агрономические затеи усовершенствования и нововведения в имении богатого барина, с которым случайно столкнула его судьба. Как мыльный пузырь, лопнуло задуманное им «общепольное дело» – превратить в одной из губернии несудоходную реку в судоходную. Постигла его неудача и на педагогическом поприще, где он тоже хотел «коренных преобразований», став преподавателем гимназии. Жестокое крушение терпит он и в любви.

Горячо и смело полюбила его Наталья, семнадцатилетняя дочь богатой и знатной помещицы Ласунской, увлеченная его восторженным идеализмом. И Рудин полюбил Наталью. Придя на свиданье, девушка сказала ему, что ее мать объявила ей, что скорее согласится видеть

свою дочь мертвой, чем женой Рудина. На свой вопрос, что же ответила на это Наталья, Рудин услышал: «Я ей ответила, что скорее умру, чем выйду за другого замуж...» И вот, когда Наталья готова бросить родной дом и идти за любимым человеком, веря ему до конца, когда она на все решалась и спрашивает Рудина: что же делать? – Рудин отвечает, что надо покориться, расстаться, раз «матушка не согласна»: ведь он беден, и, видно, им не «суждено» жить вместе, и счастье не для него. «Да, природа мне много дала, но я умру, не сделав ничего достойного сил моих... Все мое богатство пропадет даром... Первое препятствие – и я весь рассыпался...» – так сам о себе говорит Рудин, сам признается, что он родился перекати-подем», что его «сгубила» фраза, что он «кончит скверно». Он кончил безыменной жертвой – был убит на парижских баррикадах в 1848 г., с красным знаменем в руке.

В лице Рудина Тургенев давал героя уже отошедшей эпохи: в романе, написанном в 1855 г., выступал человек тридцатых-сороковых годов. Тургенев воплотил в Рудине некоторые типичные черты своего берлинского друга Бакунина, подытоживал и «судил» уже пройденный этап в развития русской прогрессивной общественной жизни. Многое ему оставалось близким и дорогим в этом прошлом, и Герцен недаром отметил, что Тургенев «создал Рудина по своему образу и подобию».

Автор осудил в своем герое его неприспособленность к жизни, его волевою пассивность, чрезмерный перевес воображения и рефлексии над способностью видеть и понимать действительность, его головной энтузиазм, его фразерство. Но устами Лежнева в заключительных главах романа и всей искренней теплотой тона этих глав Тургенев высоко оценивал то лучшее, что было в бескорыстном бедняке Рудине: «огонь любви к истине», всегдашнюю готовность «жертвовать своими личными выгодами», трудиться и бороться, неутомимо стремиться к идеалу. И за этого неудачника в жизненной практике, но сеятеля «доброго слова, которое – тоже дело», подымал Лежнев свой тост: «Пью за здоровье товарища моих лучших годов, пью за молодость, за ее надежды, за ее стремления, за ее доверчивость и честность, за все то... лучше чего мы, все-таки, ничего не узнали и не узнаем в жизни... Пью за тебя, золотое время, пью за здоровье Рудина!»

А. Зерчанинов, Д. Райхин, В. Стражев

Заключение

Роман «Рудин» занимает центральное, вершинное место в тургеневской разработке темы «лишнего человека». Обратившись к созданию образа Рудина в середине 50-х годов, Тургенев во многом обобщил, и свои собственные наблюдения и размышления над типом передового человека недавнего прошлого, и опыт его воспроизведения другими писателями на протяжении ряда лет. С одной стороны, Тургеневым было подчеркнуто то положительное, что внесли эти люди своей деятельностью в развитие русского освободительного движения, с другой — сказано о том, что делало их слабыми. Образ Рудина приобрел трагическую и комическую окраску одновременно.

В лице Рудина «лишний человек» выступил в своей наиболее социально значимой разновидности. Это не скучающий аристократ, задыхающийся в светском обществе, но не рвущий окончательно с ним отношений; это не юноша из обеспеченной дворянской семьи, пытающийся применить свои силы то в чиновничьей практике, то в науке и искусстве, то в службе по дворянским выборам, нигде не находящий удовлетворения, нигде не умеющий последовательно добиваться поставленных целей, в конце концов во всем разочаровывающийся и превращающийся в «умную ненужность». Это не человек, который, будучи богат природными силами и не укладываясь в общепринятые рамки, растрчивает себя на пустяки, прожигает жизнь в кутежах.

В лице Рудина дано художественное обобщение той части дворянской интеллигенции 30–40-х годов, которая жила большими социально-философскими идеями и принимала самое активное участие в их разработке. Печать трагизма лежит и на образе Рудина. Вся жизнь этого человека подчинена большой идее, которую он страстно пропагандирует и ради которой пренебрегает всеми личными благами, и, однако, все его практические начинания, все попытки ее хотя бы частичного осуществления неизбежно кончаются полной неудачей, так как все проекты Рудина не имеют под собой объективной почвы, случайны, не опираются на реальное изучение действительности. Жизнь бьет Рудина, он временно падает духом, но до конца не может смириться и вновь загорается в нем «огонь любви к истине».

Положение Рудиных, в основном обусловленное противоречиями русской действительности 30–40-х годов, безвыходно; они России не знают, они не смогут увидеть осуществления своей мечты. Но исторически их деятельность необходима, плодотворна и заслуживает уважения. «Инвалидом мысли» называет Тургенев Рудина устами Лежнева, и такая оценка, такое определение является верным и глубоким.

Но постоянная погруженность в абстракцию, жизнь вне ежедневной практической деятельности, ограничение общественных связей узкодворянским кружком, постепенно укрепляющаяся привычка дело заменять словом – все это накладывало свой отпечаток на духовный облик этой части дворянской интеллигенции: воля ее парализовалась, появлялась поверхностность и мелочность в характере, в поступках. В этом источник комического начала в образе Рудина.

Трагическое и комическое в образе Рудина сливается, часто выступает одновременно.

Глубоким сочувствием и задушевым лиризмом дышат те места, где говорится о лучших сторонах натуры Рудина, о его благотворном влиянии на окружающих, о горестной личной судьбе. И в откровенно-ироническом тоне описывается все мелочное, позерское, что постоянно проступало в Рудине, что делало его слабым и жалким и от чего сам Рудин, под влиянием приобретаемого жизненного опыта и в процессе самоанализа, стремился освободиться и не мог освободиться до конца.

Дав многогранное, типически глубокое изображение «человека 40-х годов», Тургенев не смог с той же силой художественной пронизательности ответить на вопрос, почему он таков, где кроются главные причины его противоречий и слабости. Тургенев не сумел подняться до анализа этих вопросов в последовательно социальном

плане. Главная беда Рудина, по словам Лежнева, с которыми солидаризуется Тургенев, в том, «что в нем нет натуры, крови нет», т. е. нет страсти, воли, силы деятельности, умения добиваться поставленных целей. Но почему же в нем натуры нет? В эпилоге Лежнев говорит: «Каждый остается тем, чем сделала его природа, и больше требовать от него нельзя! Ты назвал себя Вечным Жидом... А почему ты знаешь, может быть, тебе и следует так вечно странствовать, может быть, ты исполняешь этим высшее, для тебя самого неизвестное назначение».

Рудин не виноват во всем том, что в нем есть слабого и отрицательного; причины этому объективные, это его беда, а не вина, и искать их следует, по мнению Тургенева, в общих закономерностях развития природы и общества. Неоднократно в тексте романа проступают симпатии Тургенева к культурному слою среднепоместной среды, нашедшие свое особенно яркое выражение при создании образа Лежнева. В конце романа в уста Лежневу вкладывается призыв к дворянской интеллигенции духовно объединиться перед лицом новых поколений, которые идут к чуждым целям; этот призыв звучал как выпад против революционной демократии.

Однако основным своим идейным содержанием роман был ближе к революционерам–демократам, чем к дворянским либералам. Истинным его героем оказался не либеральный «помещик–практик» Лежнев, а «мечтатель» Рудин, авторская оценка которого совпадала с оценкой революционерами–демократами «лишнего человека».

Роман был принят революционно–демократической критикой как произведение, помогающее в борьбе за преобразование России.

Е. Ефимова

Рудин был сыном эпохи бесплодных, но кипучих мечтаний. Люди этой эпохи много читали, думали и убийственно много предавались пылкому красноречию... Но не следует забывать, что в этих разговорах для них выяснялась истина, что Рудин, вечно скитающийся, с горячей и убедительной речью на устах «о позоре малодушия и лени, о необходимости делать дело», – явился одним из первых будильников общественной мысли в дворянских усадьбах, одним из первых глашатаев свободы в рабовладельческой стране... Там, где крепостное право стояло, как скала, где на первом плане были арапники и конюшни, где путной книги нельзя было добыть, а над каждым очнувшимся постоянно висела темная туча, – там Рудины играли нужную роль. Недаром Тургенев изобразил своего героя таким страстным апологетом истины и таким превосходным проповедником своих мыслей.

«Каждое его слово, казалось, так и лилось прямо из души, пылало всем жаром убеждения... Он умел, ударяя по одним струнам сердец, заставлять смутно звенеть и дрожать все другие. Иной слушатель, пожалуй, и не понимал в точности, о чем шла речь, но грудь его высоко поднималась, какие-то завесы разверзались перед его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди...»

По существу это был типичный русский интеллигент, с либеральной идеологией, заимствованной из иностранных книжек, с увлечением неопита выполнявший роль «революционной бациллы» среди едва-едва пробуждавшихся российских Маниловых и Петр Петровичей Петуховых. Собственно, одно то обстоятельство, что Рудин своими речами будоражил тупое молчание «дворянских гнезд» и всячески втягивал их в умственную работу, уже само по себе являлось немаловажной заслугой...

Интеллигентская мысль в ту эпоху билась по преимуществу в кружках, по необходимости ограниченных тесным и малочисленным составом. Источником всякой премудрости в то время являлась философия Гегеля. И вот здесь-то, в этой душной теплице, оплодотворенная духом немецкой философии, созревала та своеобразная идеология, на почве которой и вырос ее типичнейший представитель – Рудин.

Но влияние Рудина на молодежь, на Басистова, на Наталью обусловилось, конечно, не этой, чисто абстрактной стороной.

По заявлению самого Тургенева, молодежь искала тогда в философии «всего на свете, кроме чистого мышления». И если он приковывал к себе умы и сердца наиболее чуткой и отзывчивой молодежи, если именно Наталья и Басистов «более всех поражены были» Рудиным, то этому следует искать объяснения в той струе европейского либерализма, которой были омыты речи Рудина, в тех буржуазных идеалах, которые под видом правдоискательства и гуманности, под видом «разверзающихся завес» рисовали растерявшемуся помещику весьма заманчивые перспективы желанных и выгодных реформ. Мы знаем, что в то время вопрос об «освобождении» крестьян стал вопросом дальнейшего существования помещичьего хозяйства. Потребности развивающегося буржуазного общества вынуждали русское дворянство умильно поглядывать на Запад. Самые заклятые реакционеры начинали понимать, что рабский труд крепостного невыгоден, и что волей-неволей какие-то уступки сделать нужно.

Рудин не был человеком практических действий. И в этом главный упрек, посылаемый ему. Но очередная задача времени – свержение

крепостного быта – перед ним носилась довольно ясно. А что до практической работы на пользу этой задачи, то надо помнить, что Рудин по условиям места и времени мог быть только простым будильником «совести» в помещичьих усадьбах, простым проповедником гуманности.

И эту миссию либерального разночинца в среде зажиточного и бедного дворянина новой общественной формации, выступавшей в то время на смену великосветской знати, он выполнял превосходно. Он не был, во всяком случае, лишним и бесполезным элементом. Его «слово» являлось его «делом»... Рудин, столь жестоко осмеянный шестидесятниками, был отважным и преданным популяризатором буржуазно-демократических идеалов.

Л. Войтоловский